



Виктор Пелевин

Македонская критика
французской мысли
(сборник рассказов)

ФТМ



Виктор Пелевин

**Македонская критика
французской мысли (сборник)**

«ФТМ»

Пелевин В. О.

Македонская критика французской мысли (сборник) /
В. О. Пелевин — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-0305-0

В сборник вошли произведения:• Македонская критика французской мысли•
День бульдозериста• Музыка со столба• Откровение Крегера (Комплект
документов)• Оружие возмездия• Реконструктор (Об исследованиях
П.Стецюка)• Хрустальный мир• Происхождение видов• Бубен верхнего мира•
Иван Кублаханов• Бубен нижнего мира• Тарзанка• Ника

ISBN 978-5-4467-0305-0

© Пелевин В. О.

© ФТМ

Содержание

Македонская критика французской мысли	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктор Олегович Пелевин

Македонская критика французской мысли

*Любая концепция формирует основу для дуалистического состояния
ума, а это создает дальнейшую сансару.*
Тулку Ургьен Ринпоче

Во всей вселенной пахнет нефтью.
Вильям Джеймс

По социальному статусу Насых Нафиков, известный друзьям и Интерполу как Кика, был типичным «новым русским» эпохи первоначального накопления кармы. По национальности он, правда, не был русским, но назвать его «новым татаринком» как-то не поворачивается язык. Поэтому лучше обойдемся без ярлыков и просто расскажем его жуткую и фантазмагорическую историю, которая заставила некоторых впечатлительных людей, знакомых с делом по таблоидам, окрестить его Жиль де Рецем нашего времени.

Нафиков родился в Казани, но вырос в Европе. Его ранние дни – время, когда формируется скелет личности, – проходили сначала в англоязычных садиках, а затем в космополитических школах для детей дипломатов. Кика на всю жизнь запомнил стишок, висевший в одном из таких заведений над умывальником:

We condemn in strongest terms
Dirty nails that harbour germs!¹

Неподконтрольные родителям впечатления детства сформировали Кикку скорее европейцем, чем «евразийцем», как называл себя его отец, очень любивший этот термин и часто при-
мерявший его на сына. Сыну же это дикое слово казалось обозначением человека, который, будучи в ударе, может сойти за азиата в Европе и за европейца в Азии. Сама же Евразия, о которой часто рассуждал отец, представлялась ему чем-то вроде виртуальной Атлантиды, уто-
нувшей в портвейне задолго до его появления на свет.

В момент рождения сына Насратуллы Нафиков был крупным партийным бонзой в Татар-
стане; в момент своей смерти – нефтяным магнатом, успешно обменивавшим партийную ренту на природную. Он слег от удара, узнав о правительственном решении то ли сократить какие-то квоты, то ли поднять какие-то отчисления. Но ему не дали умереть своей смертью – прямо в палате больницы его добил снайпер. Шептались, что это был сам Александр Солоник, про-
званный Шурой Македонским за свой необыкновенный талант к стрельбе по-македонски – с двух рук не целясь. Загуляв и поистратившись в Казани, он якобы взял халтурку, чтобы попра-
вить дела. В пользу этой версии говорило то, что на чердаке соседнего с больницей дома нашли бельгийскую винтовку калибра 5,45, той самой модели, на которой знаменитый художник-лик-
видатор всегда останавливал свой выбор в подобных обстоятельствах. Против нее говорило то, что Солоника убили в Афинах задолго до описываемых событий. Стоит ли говорить, что именно по последней причине народ в эту версию верил.

Кика Нафиков плохо понимал в российских реалиях и не до конца уяснил, что явилось настоящей причиной трагедии. По настоянию отца он изучал философию в Сорбонне, но имел и некоторую экономическую подготовку. Он мог разобраться во всем, касающемся отчислений

¹ Мы осуждаем в самых сильных терминах Грязные ногти, дающие приют микробам.

и квот. Но, как объяснил печальный гонец с родины, причина на самом деле была в том, что отец «взял за яйца серую лошадку», чего делать не следовало, поскольку «крыша в углу кусается». Кика, пораженный колдовской силой русского языка, который он знал немного хуже английского с французским, не стал углубляться в подробности.

Нафикова-старшего многие жалели: при всей своей деловой оборотистости он был хорошим человеком – одним из тех странных советских идеалистов, причина появления которых в СССР навеки останется загадкой мироздания.

Смерть отца, которая совпала с завершением образования, сделала Нафикова-младшего богатым человеком – очень богатым, по меркам любой страны. Поколесив по Европе, Кика осел во Франции, на Кап Ферра, где покойный евразиец еще в советские времена ухитрился каким-то образом заевразировать небольшую виллу. Постройка в стиле «пуэбло» была кубом песчаного цвета с прозрачной крышей – она выглядела бы уместней где-нибудь в Альбукерки, Нью-Мексико. Высокая ограда скрывала ее от нескромных взглядов, и видна она была только со стороны моря. Семь бронзовых слоников работы Церетели, которых Нафиков-старший в ельцинскую эпоху установил на спуске к воде (самый большой весил столько же, сколько танк «тигр», это Кика помнил с детства), были утоплены в Средиземном море командой рабочих, получившей от сына щедрое вознаграждение за работу в ночное время. Дело было не в Кикином равнодушии к искусству. Он подозревал, что эти зверюшки были для отца чем-то вроде противотанковых ежей, призванных защитить от натиска реальности. Тем серьезней был повод уволить их за профнепригодность.

Трудно сказать наверняка, когда началась душевная болезнь Кики. Слухи о том, что он тронулся головой, впервые пошли из-за новшества, которое он ввел на своей вилле. В каждой комнате, даже в небольшом спортзале с покрытым пылью универсальным тренажером, похожим на уэллсовского марсианина, было установлено по телевизору, с утра до вечера крутившему детский канал немецкого телевидения «Кика», передававший в основном мультфильмы. Никаких других программ телевизоры не показывали. Многие считали, что именно этой странности Кика и обязан своим прозвищем.

Нафиков-младший не знал немецкого языка, и в подвальной комнатке было оборудовано место для синхрониста, который непрерывно переводил все, что показывал телеканал. К концу дня синхронист уставал и начинал сбиваться, но Кика не расстраивался по этому поводу, потому что ошибки иногда выходили смешными. Вскоре, однако, пришлось нанять второго переводчика и разбить вахту на две смены, потому что один синхронист не справлялся. Тогда приятель Кики придумал угощать переводчиков какими-то амстердамскими таблетками, вызывавшими у них путаницу в мыслях и сбивчиво-бредовое многословие. Перевод стал выходить очень потешным, и к Кике стали специально ездить в гости на этот номер. Синхронисты поняли, что от них требуется, и, выторговав прибавку за вредность производства, смирились. Обкуренные гости Кики называли одного синхрониста Урим, а другого Туммим – по аналогии с небесными камнями-переводчиками из мормонской библии.

По другим сведениям, прозвище «Кика» появилось у Нафикова значительно раньше, еще во время изучения философии в Париже. Эту кличку якобы дал ему научный руководитель, полагавший, что подлинное понимание философии пробуждается в ученике только тогда, когда он беззаветно принимает в себя пламя, пылающее в наставнике. Конкретная технология передачи священного огня показалась пришельцу из российской глубинки несколько неожиданной, но стремление к утонченному европейскому идеалу оказалось сильнее смущения и стыда. Так, во всяком случае, вспоминал Зураб (Зизи) Мердашвили, покойный философ, вместе с которым Нафиков обучался *любомудрию* (в сочинении, о котором пойдет речь ниже, Кика возводит этимологию этого термина не к выражению «любовь к мудрости», а к словам «любой муда»).

Воспоминания покойного Зизи, нигде не задокументированные и дошедшие до нас только в устном пересказе, – слишком зыбкая опора для утверждений, которые могут иметь юридические последствия. Поэтому не будем называть профессора, у которого обучался Кика. Он еще жив, и его громкое имя известно не только в профессиональных кругах. Ограничимся намеком: речь идет о философе, которого в последние годы позиционируют в качестве секс-символа мыслящей французской женщины от сорока пяти до шестидесяти лет.

Повторим – мы не можем утверждать, что однокурсник Нафикова говорил правду. Но трудно не заметить, что его слова объясняют многое – и привязанность к телеканалу «Кика», и болезненную, с четким знаком «минус», одержимость Нафикова французской философией, обличение которой стало главной страстью его жизни. Хочется добавить: все это было бы смешно, когда бы не было так страшно. Но перед тем как перейти к страшной части этой истории, закончим со смешной – потому что одно перетекает здесь в другое постепенно и незаметно.

Кика полагал себя мыслителем, намного превзошедшим своих французских учителей. Это видно уже из названий его первых сочинений: «Где облажался Бодриар», «Деррида из пруда» и тому подобное. Сказать что-нибудь по поводу этих текстов трудно – неподготовленному человеку они так же малопонятны, как и разбираемые в них сочинения великих французов. Отзыв же людей подготовленных туманны и многословны; напрашивается вывод, что без сорбоннского профессора с его инъекцией священного огня невозможно не только понять что-нибудь в сочинениях Нафикова, но даже и оценить их профессиональный уровень. «Гениальный недоумок», «звездное убожество» и прочие уклончивые эпитеты, которыми Нафикова награждали привлеченные Интерполом эксперты, не только не помогли следствию, а наоборот, совершенно его запутали, создав ощущение, что современные философы – это подобие международной банды цыган-конокрадов, которые при любой возможности с гиканьем угоняют в темноту последние остатки простоты и здравого смысла.

Название самой известной работы Кики – «Македонская критика французской мысли», – несомненно, отражает его семейную драму и намекает на Сашу Македонского, легендарного убийцу Нафикова-старшего. Это сочинение, которое становится по очереди воспоминаниями о детстве, интимным дневником, философским трактатом и техническим описанием, – странная смесь перетекающих друг в друга слоев текста, с первого взгляда никак не связанных друг с другом. Только при внимательном прочтении становится видна кошмарная логика автора и появляется возможность заглянуть в его внутреннее измерение – возможность уникальная, поскольку маньяки редко оставляют нам отчет о ходе своих мыслей.

Философская часть «Македонской критики» – это попытка низвергнуть с пьедестала величайших французских мыслителей прошлого века. Мишель Фуко, Жак Деррида, Жак Лакан и так далее – не обойдено ни одно из громких имен. Названием работа обязана методу, которым пользуется Кика, – это как бы стрельба с двух рук, не целясь, о чем он говорит в коротком предисловии сам. Достигается это оригинальным способом: Кика имперсонирует невежду, никогда в жизни не читавшего этих философов, а только слышавшего несколько цитат и терминов из их работ. По его мысли, даже обрывков услышанного достаточно, чтобы показать полную никчемность великих французов, и нет нужды обращаться к оригиналам их текстов, тем более что в них, как выражается Кика, «тупой ум утонет, как утюг в океане г-на, а острый утонет, как дамаский клинок».

При этом Кика стремится сделать свой пасквиль максимально наукообразным и точным, уснащая его цитатами и даже расчетными формулами. Подход был бы, возможно, интересен, если бы критик-невежда, которым притворяется Кика, не был таким отчетливым французским философом. Увы, неподготовленный читатель при знакомстве с философскими пассажами «Македонской критики» неизбежно почувствует себя чем-то вроде утюга в ситуации,

упомянутой Нафиковым. Все претензии, которые Кика предъявляет французам, могут быть точно так же обращены к нему самому.

Вот, например, как он сравнивает двух философов, Бодриера и Дерриду:

«Что касается Жана Бодриера, то в его сочинениях можно поменять все утвердительные предложения на отрицательные без всякого ущерба для смысла. Кроме того, можно заменить все имена существительные на слова, противоположные по значению, и опять без всяких последствий. И даже больше: можно проделать эти операции одновременно, в любой последовательности или даже несколько раз подряд, и читатель опять не ощутит заметной перемены. Но Жак Деррида, согласится настоящий интеллигент, ныряет глубже и не выныривает дольше. Если у Бодриера все же можно поменять значение высказывания на противоположное, то у Дерриды в большинстве случаев невозможно изменить смысл предложения никакими операциями».

Бросается в глаза, что особое раздражение Кики во всех случаях вызывает Жан Бодриер, часто называемый «Бодриером» – по аналогии с термином «симулякр» (которым Кика чудовищно злоупотребляет в «Македонской критике», оговариваясь, правда, следующим образом: «Читатель понимает, что слово «симулякр», как его употребляю я, есть всего лишь симулякр бодриеровского термина «симулякр»). Раздражение легко объяснить – именно Бодриер стоял у истоков открытия, которое сделало Кикю преступником, но, как он полагал, поставило далеко впереди всех современных мыслителей.

Ненависть Нафикова к Бодриеру – это интеллектуальный эдипов комплекс. Он проявляется в желании уничтожить идейного предшественника, магически перенеся на него судьбу отца, испытавшего на себе всю мощь македонской критики. Дерриде с Соссюром пришлось отдуваться просто за компанию. Но здесь от смешного мы начинаем переходить к страшному.

Расколошматив своих идейных наставников из двух стволов, Кика задумчиво вопрошает: почему вообще существует французская философия? Его ответ таков – это интеллектуальная погребушка, оплачиваемая транснациональным капиталом исключительно для того, чтобы отвлечь внимание элиты человечества от страшного и позорного секрета цивилизации.

Кика полагал, что был первым, кто увидел этот секрет во всей его жуткой простоте. Зародыш, из которого родилась его мания, мирно дремал в книге Бодриера «Символический обмен и смерть». Мы приведем эти роковые слова чуть позже: чтобы понять реакцию, которую они вызвали в Кике, надо представить себе гремучую смесь, находившуюся в его сознании к этому моменту. Сделать это несложно – в «Македонской критике» он уделяет воспоминаниям много места, предвкушая, видимо, внимание историков.

Начинает он с рассказа о том, какую роль сыграла в его жизни нефть. Еще мальчиком он понял, насколько от нее зависит благосостояние семьи, – и отреагировал по-детски непосредственно. На стене кабинета Нафикова-старшего долгие годы висел рисунок сынишки: некто зловещего вида, похожий не то на Синюю Бороду, не то на Карабаса-Барабаса, держит над запрокинутым лицом круглый сосуд с контурами материков, из которого в рот ему льется тонкая черная струйка. Снизу разноцветными шатающимися буквами было написано: «ПАПА ПЬЕТ КРОВЬ ЗЕМЛИ». Рядом висел другой интересный рисунок – сделанный из замерзшей нефти снеговик с головой Ленина (из-за того, что усы и борода Ильича были нарисованы белым по черному, снеговик больше походил на Кофи Аннана). Под снеговиком был стишок, написанный мамой:

Что за черный капитал
Все собою пропитал?
Он смешную кепку носит,
Букву «Р» не произносит!

Став постарше, Кика набросился на книги. Из многочисленных детских энциклопедий, которые покупал отец, выяснилось, что нефть – это не кровь земли, как он наивно полагал, а что-то вроде горючего перегноя, который образовался из живых организмов, в глубокой древности населявших планету. Он был потрясен, узнав, что динозавры, которых, как кажется, может воскресить только компьютерная анимация, не исчезли без следа, а существуют и в наше время – в виде густой и пахучей черной жидкости, которую добывает из-под земли его отец. Когда его впервые посетила эта мысль, он спросил отца: «Папа, а сколько динозавров съедает в час наша машина?» Эти слова, показавшиеся отцу ребячьим бредом, имели, как мы видим, достаточно серьезную подоплеку.

Естественно, маленького Кику интересовала не только нефть. Как и другие дети, он задавался великими вопросами, на которые не знает ответа никто из взрослых. Отец отвечал как мог, со стыдом чувствуя, что ничего не понимает про мир, в котором зарабатывает такие огромные деньги, – словом, все было как в обычной семье. Однажды Кика спросил, куда деваются люди после смерти.

Это случилось в промежутке между двумя загранпоездками; Кика временно ходил в казанский садик, где сидел на горшке рядом с внуком идеологического секретаря национальной компартии. Нафиков-старший, взобравшийся на вершину жизненного Олимпа исключительно благодаря своей интуиции, сделал стойку. Чутье подсказало ему, что надо быть очень и очень осторожным: именно из-за подобных мелочей бесславно завершилось множество карьер. Сославшись на головную боль, он велел Кике отстать, а сам попросил помощника срочно подготовить по этому вопросу взвешенную справку, в которой будет максимально внятно отражено все то, что говорит по этому поводу официальная идеология.

На следующий день потрясенный Кика узнал, что после смерти советский человек живет в плодах своих дел. Это знание вдохновило мальчика на новую серию жутковатых рисунков: подъемные краны, составленные из сотен схватившихся друг за друга рук; поезда, словно сороконожки, передвигающиеся на множестве растущих из вагонов ног; реактивные самолеты, из дюз которых смотрят пламенные глаза генерального конструктора, и так далее. Интересно, что всем этим машинам, даже самолетам, Кика подрисовывал рот, в который маршировали шеренги крохотных динозавров, похожих на черных ошипанных кур.

Если у Кики и состоялся обмен метафизическим опытом с соседями по горшку, он закончился без вреда для отцовской карьеры. Но объяснение тайны советского посмертия засело в сознании ребенка так глубоко, что стало, можно сказать, фундаментом его формирующегося мировоззрения. Естественно, что эта тема вскоре оказалась в тени других детских интересов. Но через много лет, когда выросший Кика уже изучал философию в Сорбонне, началась российская приватизация, и прежний вопрос поднялся из темных глубин его ума.

Допустим, советские люди жили после смерти в плодах своих дел. Но куда, спрашивается, девались строители развитого социализма, когда эти плоды были обналичены по льготному курсу группой товарищей по удаче? То, что в эту группу входил его отец, делало проблему еще более мучительной, потому что она становилась личной. Где они теперь, веселые строители Магнитки и Комсомольска, отважные первопроходцы космоса и целины, суровые покорители Гулага и Арктики?

Ответ, что созданное их трудом сгнило и пропало, не устраивал Кику – он знал, что вещи переходят друг в друга, подобно тому, как родители продолжают себя в детях: детали нового станка вытачивают на старом, а сталь переплавляется в сталь. Другой расхожий ответ – что все, мол, разворовано, продано и вывезено – был одинаково непродуктивен. Кику волновал не уголовно-имущественный, а философско-метафизический аспект вопроса. Можно было месяцами изучать бизнес-схемы и маршруты перетекания капитала, можно было наизусть заучить биографии олигархов – и декоративных, которые у всех на виду, и настоящих, о которых мало что знает доверчивый обыватель, – но от этого не делалось яснее, куда отправились миллионы

поверивших в коммунизм душ после закрытия советского проекта. Этот вопрос ржавым гвоздем засел в сознании Кики и долгие годы ждал своего часа.

Однажды этот час пробил.

Предоставим слово Кике и «Македонской критике»:

«Был обычный осенний полдень, ясный и тихий. Я сидел у телевизора с книжкой; кажется, это был «Символический обмен и смерть» чудовищного Бодриера. На экране мелькал какой-то мультфильм, за которым я следил краем глаза: пират в треуголке, радостно хохоча, танцевал вокруг сундука с сокровищами, время от времени нагибаясь над ним, чтобы запустить руки в кучу золотых пиастров... И вдруг крышка сундука обрушилась вниз, вычеканив из его головы монету вроде тех, что лежали внутри. Монета была еще живой – профиль на ней яростно моргал единственным сохранившимся глазом, но рот, похоже, склеился навсегда. Туммим, который в этот момент был на пике прихода, прекратил хихикать (таким образом он переводил смех пирата) и спросил непонятно кого – надо полагать, меня, потому что, кроме нас и охраны, на вилле никого не было:

– Интересно, а остальные монеты... Они что, типа тоже из голов, да? Типа другие пираты подходили, открывали, потом бам, и все, да? И за несколько веков, значит, набежал целый сундук...

Мой взгляд упал на страницу и выхватил из путаницы невнятных смыслов странное словосочетание: «работник, умерший в капитале». И тайна денег в одну секунду сделалась ясна, как небо за окном».

Попробуем коротко изложить то, что Кика называл «тайной денег». Деньги, по его мнению, и есть остающаяся от людей «нефть», та форма, в которой их вложенная в труд жизненная сила существует после смерти. Денег в мире становится все больше, потому что все больше жизней втекает в этот резервуар. Отсюда Кика делает впечатляющий вывод: мировая финансовая клика, манипулирующая денежными потоками, контролирует души мертвых, как египетские маги в фильме «Мумия возвращается» с помощью чар управляют армией Анубиса (внимательный читатель «Македонской критики» заметит, что Кика чувствует себя немного увереннее, когда оперирует не категориями философии, а примерами из кинематографа).

Здесь и кроется разгадка посмертного исчезновения советского народа. Плезиозавр, плескавшийся в море там, где ныне раскинулась Аравийская пустыня, сгорает в моторе японской «Хонды». Жизнь шахтера-стахановца тикает в бриллиантовых часах «Картье» или пенится в бутылке «Дом Периньон», распиваемой на Рублевском шоссе. Далее следует еще более залихватский вираж: по мнению Кики, задачей Гулага было создать альтернативный резервуар жизненной силы, никак не сообщающийся с тем, который контролировали финансовые воротилы Запада. Победа коммунизма должна была произойти тогда, когда количество коммунистической «человеконефти», насильно экстрагированной из людей, превысит запасы посмертной жизненной силы, находящейся в распоряжении Запада. Это и скрывалось за задачей «победить капитализм в экономическом единоборстве». Коммунистическая человеконефть не была просто деньгами, хотя могла выполнять и эту функцию. По своей природе она была ближе к полной страдания воле, выделенной в чистом виде. Однако произошло немыслимое: после того как система обрушилась, советскую человеконефть стали перекачивать на Запад.

«По своей природе процесс, известный как «вывоз капитала», – пишет Кика, – это не что иное, как слив инфернальных энергий бывшего Советского Союза прямо в мировые резервуары, где хранится жизненная сила рыночных демократий. Боюсь, что никто даже не представляет себе всей опасности, которую таит происходящее для древней западной цивилизации и культуры».

Эта опасность связана с тем, что Кика называет «Серным фактором». Название взято им из нефтяного бизнеса. Знание технологических аспектов нефтяного дела, которое он обнаруживает в своих выкладках, неудивительно – надо полагать, об этих вопросах Нафиковы гово-

рили за утренним чаем, так же, как в других семьях беседуют о футболе и погоде. Просим прощения, если некоторые понятия, которыми оперирует Кика, покажутся слишком специальными, но цитата поможет лучше представить себе безумную логику «Македонской критики».

«Если полстакана «Red Label» смешать с полстаканом «Black Label», – пишет Нафиков, – получившееся виски будет лучше первого, но хуже второго. С нефтью то же самое. Продукт под названием «Urals», который продает Россия, – это не один сорт, а смесь множества разных по составу нефтей, закачиваемых в одну трубу. При этом происходит усреднение качества. Поэтому те поставщики, нефть которых выше сортом и содержит меньше серы, получают компенсацию. Это так называемый Серный фактор, рассчитываемый по формуле:

$$Cф = 3,68 (s2 - s1) \text{ долларов за тонну}$$

Здесь $s2$ – коэффициент, отражающий среднее содержание серы в смеси, а $s1$ – ее содержание в нефти более высокого качества. Тот же принцип пересчета действует для североморской нефти Brent, сахарской смеси Saharan Blend, Arabian Light и так далее. Все это – коктейли из множества ингредиентов, которые значительно отличаются друг от друга. Символично, однако, что в нефти Urals значительно больше серы по сравнению с другими марками – что поэтически точно отражает специфику ее добычи и многие аспекты связанной с ней деятельности. Каждый, кто знаком с российским нефтяным бизнесом, знает этот незабываемый привкус Серного фактора во всем – от первой утренней чашки кофе до последнего ночного кошмара. И чем ближе к трубе, тем сильнее пахнет серой. Отсюда и этот характерный для российской нефтяной элиты «бурильный» взгляд – как на последних фотографиях Бодриера.

Раз уж речь зашла о Бодриере. Вот кого можно назвать *серным кардиналом* французской мысли...»

И пошло и поехало. Если в построении «Македонской критики» проглядывает какой-то принцип, он только в подобных прыжках от предмета к предмету. Забыв на время про нефть (а через абзац – и про Бодриера), Кика устраивает блицпогром в лагере всего того, что он называет «концептуальным языкоблудием».

Он по-быстрому строит всех французских мыслителей в две шеренги, применяя принцип, который без ложной скромности называет «Бритва Нафикова».

В первую шеренгу попадают те, кто занят анализом слов; их Кика называет «лингвистическими философами». По его мысли, они похожи на эксгибиционистов, так глубоко нырнувших в свой порок, что им удалось извратить даже само извращение: «Дождавшись одинокого читателя, они распахивают перед ним свои одежды, но вместо срама, обещанного похотливым блеском их глаз, мы видим лишь маечку с вышитым словом «х-й».

Во вторую шеренгу попадают «нелингвистические философы», то есть те, кто пытается заниматься чем-то еще, кроме анализа слов. Чтобы приведенная аналогия распространялась и на них, пишет Кика, достаточно представить, что «наш эксгибиционист является переодетой женщиной – и не просто женщиной, а девственницей, так и не научившейся прятать под непристойным словом на упругой груди свою веру в то, что детей находят в капусте».

Такая рельефная образность могла бы сделать честь нашему антигерою, если бы не информация Зизи Мердашвили, что Кики по этому вопросу консультировал другой парижский профессор, называть которого мы не будем по той же причине, что и первого: вряд ли кто-то захочет признать, что питал извращенный ум маньяка концепциями и силлогизмами. Намекнем, однако, что во втором случае речь идет о философе, которого позиционируют как символ всепобеждающего интеллекта на духовном горизонте француженки старше тридцати пяти, ведущей активную половую жизнь.

Трудно сказать, что именно Кика заимствовал у других, а до чего дошел сам. Но одну мысль из посвященной «концептуальному языкоблудию» части можно смело приписать лично ему безо всякого риска ошибиться. Вот она:

«Французы напрасно думают, что это они изобрели «деконструкцию». Еще мальчиком в Казани я знал, что это такое, как знало до меня несколько поколений казанской урлы. Деррида просто перевел на французский татарское слово «разборка», и все. Но если лингвистическая школа попробует вякнуть, что все сводится к словам, я скажу... Я скажу... Не дожидетесь, чтобы Кика начал разборку. Кика лучше сделает деконструкцию. Он молча укажет пальцем на вашу маечку, забудет про вас навсегда и пойдет в каморку к Уриму и Туммиму на косячок амстердамской призовой». (В одном из вариантов «Македонской критики» вместо «разборка» стоит «перестройка».)

И так далее. Когда Кика наконец возвращается к вывозу капитала и Серному фактору, редкий читатель еще помнит, что это такое. Но Кика чувствует себя непринужденно, словно и не отходил от темы:

«Если в трубу, занятую Западно-Техасской Кислой (WTS), начнет вдруг поступать смесь Urals с высоким серным фактором, перерабатывающие заводы получают сырье совершенно другого состава, для которого окажутся неверны все прежние технологические расчеты. Это поймет даже дурак. Но почему-то принято думать, что тридцать миллиардов долларов, которые каждый год вывозились из России, могут незаметно слиться с западным капиталом. Считается, что жизненная сила при трансфере полностью обезличивается, и деньги, выкачанные из России, ничем не отличаются от денег из военного бюджета Пентагона, личного состояния Билла Гейтса или внешнего долга Бразилии. Между тем сущности, о которых идет речь, настолько разнятся по своей природе, что их ни в коем случае нельзя смешивать, как нельзя это делать с Urals и Западно-Техасской Кислой».

Чуть дальше Кика делает очень интересное наблюдение:

«Кстати сказать, существует два сорта нефти, которые добываются в разных точках земного шара, но могут замещать друг друга, поскольку практически не отличаются по качеству и имеют один и тот же Серный фактор. Жуткий и многозначительный символизм: речь идет о российской смеси Urals и иракской нефти Kirkuk. О Саддам! О Иосиф! Oh Ge-orge!»

В этом разделе Кика, не проявлявший интереса к духовным учениям и числившийся приверженцем ислама только номинально, вплотную приблизился к пониманию того, что самые продвинутые из мусульман называют кармой. Его мысль такова: особенности земного существования душ, превратившихся после смерти в деньги, отбрасывают тень на жизнь общества, пользующегося этими деньгами. Больше того, такая тень становится своего рода лекалом, по которому новые поколения «делают жизнь», даже не догадываясь о том, что именно служит им образцом, хотя постоянно держат этот «образец» в руках в самом прямом смысле. На предсознательном уровне догадки об этом возможны: именно этим объясняется иррациональное на первый взгляд стремление Британии сохранить фунт стерлингов (и весь связанный с ним загробный пантеон империи) после того, как объективные экономические причины для этого исчезли.

«Эхо прошлого, – пишет Кика, – настигает нас на пустыре духа в сумерках истории. Прошлое остается с нами, несмотря на попытки начать все заново, – и всегда оказывается сильнее. Мы не можем ни спрятаться, ни увернуться. Мы даже не в состоянии понять, как именно оно становится будущим. Лист доисторического дерева, отпечатавшийся на угольном сколе, различим в мельчайших деталях, хотя про него нельзя сказать, что он существует: никто не может взять его в руку или заложить между книжных страниц. Но его можно скопировать и даже сделать эмблемой на флаге вроде канадского. Точно так же отзвук прошлого, о котором мы говорим, нематериален и неуловим – но определяет все то, что случится с нами и нашими детьми».

Никаких детей у Кики, кстати, не было.

Что происходит, когда миллионы советских человекоднев конвертируются в доллары и евро? По мысли Кики, это равносильно неощутимому и потому особо страшному вторжению армии голодных духов в кровеносную систему международной экономики – но чтобы увидеть это, нужны не придурковатые финансовые аналитики, которые не умеют предсказать рецессию даже через год после того, как она началась, а духовидец наподобие Сведенборга. Читатель, видимо, уже догадался, что таким духовидцем Кика полагает себя.

«Человек, наделенный способностью к духовному зрению, увидит гулаговских эзков в рваных ватниках, которые катят свои тачки по деловым кварталам мировых столиц и беззубо скалятся из витрин дорогих магазинов, – пишет он. – Смещение жизненной энергии двух бывших антиподов мироздания – безответственная и безумная акция, которая изменит лицо мира. Кризис, поразивший наиболее продвинутые экономики, и агрессивная военная паранойя их лидеров – только первое следствие этого эксперимента. Все беды, которые обрушились на западную цивилизацию в начале нового тысячелетия, объясняются тем, что Серный фактор западной жизни стал значительно выше».

В России, по его мнению, происходит обратный процесс – экономическая катастрофа и обнищание сопровождаются не демонстрациями и баррикадными боями, как ожидали социологи, а все большей эйфорией и влюбленностью населения в руководство, ведущее народ от одного оврага к другому – поскольку долларизация страны, сопровождающая это веселое путешествие, снижает Серный фактор, и общая inferнальность русской жизни падает.

«Увы, – констатирует Кика, – международные финансовые хищники просчитались – вместо крови они высосали из России весь многовековой ядовитый гной, который теперь безуспешно пытаются переварить».

Это «увы» очень характерно. Многие западные таблоиды, в особенности французские, изображали Кику эдаким «мстителем за Россию», который сводил счеты с воображаемыми виновниками бед своей страны. Ничего не может быть дальше от истины, чем эта точка зрения. «Доказательства», которые приводят журналисты, смехотворны. Например, часто повторяется цитата, где Кика называет Францию «прекрасной скупщицей краденого». Но это вовсе не выражение презрения или ненависти. Напротив, это признание в любви. В кругу, где Кика рос и формировался, никто не стал бы использовать слова «скупщик краденого» в качестве оскорбления, как не стали бы этого делать сбытчики краденого. То же относится и к другим сентенциям Кики, которые выхвачены из контекста и изображают его совсем не тем, чем он был.

Например, утверждают, что Кика называл Серным фактором поток несчастий, поразивший семьи олигархов, которые захватили созданные Гулагом богатства. Но во всей «Македонской критике» лишь одна строчка дает повод для такого толкования:

«Предсмертное проклятие сталинских рабов не растворилось бесследно в морозном воздухе Сибири – отразившись в небесных зеркалах, оно нашло себе новых адресатов».

Серный фактор, про который Кика говорит в другом месте и по другому поводу, здесь ни при чем.

Глупо приписывать Кике антибуржуазный пафос, как это делают журналисты, мужественно поднимающие свой голос в защиту капитализма. Кика действительно приступил к осуществлению своего зловещего плана сразу после того, как посетил показ коллекции модельера Джона Галиано, где на подиум падал дождь из лепестков золотой фольги. Этот золотой дождь, к образу которого он возвращается несколько раз, стал для него окончательной метафорой чело-веконефти – жизненной силы мертвых, воплотившейся в деньгах. Но Кикой управляло вовсе не «омерзение к извращениям, устраивающим похабные танцы под дождем из перебродившей крови», как писал один излишне проникательный московский обозреватель, путающий соб-

ственные чувства с чужими. Наоборот, им двигало стремление защитить хрупкую и утонченную европейскую культуру от опасности, которая, как он полагал, была видна ему одному.

Кика никогда не считал себя левым или правым и не отождествлял себя с какой-либо нацией. Что касается политических взглядов, то их у него просто не было. Он называл себя «мыслящим патриотом» – то есть таким, чей патриотизм распространяется на все места, где тепло и солнечно («история России показала, – писал Кика, – что люди, публично исповедующие иную точку зрения, как правило, просто лжецы, пробирающиеся в теплые и солнечные места окольным путем, причиняя при этом неисчислимые страдания ближним»). Дитя Европы, он имел, если так можно выразиться, среднюю для евротрубы identity,² составленную из обрывков телепередач, комиксов и рекламных клипов, поглощенных им в разных европейских столицах. Вот как он говорит сам:

«Если сравнивать мою душу со зданием, то в ее стены легло лишь несколько вывезенных из России булыжников, которые из орудия пролетариата давно превратились во что-то вроде гадательных камней (мои внутренние Урим и Туммим), которые не делают меня врагом западных ценностей – я люблю секс и деньги и не стыжусь в этом признаться, – но позволяют мне видеть то, чего не понимают наивные и доверчивые европейцы».

Вряд ли разумно объяснять действия Кики и сексуальными проблемами. Эта точка зрения опирается главным образом на то, что Кика заменяет все непристойные термины сокращениями с прочерком – по мысли некоторых склонных к психоанализу авторов, это отражает его половую несостоятельность. Но Кика проделывает ту же операцию и со словом «б-г», беря пример с еврейских священных текстов. Чем это вызвано – стремлением к особо изощренному богохульству или простым оригинальничаньем, – сказать сложно, и вопрос остается открытым. Вот как, например, выглядит пассаж, посвященный писателю Мишелю Уэльбеку, которого Кика причислил к ведомству современной французской мысли:

«Уэльбек, этот живой французский ум, обращает было свой взор к тайне мира, но уже через абзац или два срывается и барахтается – надо полагать, не без удовольствия – в очередной слепленной из букв п-де. Впрочем, не в ней ли главная тайна мира и главный его соблазн? Так спросил бы юный Бодриар. На что Деррида заметил бы, что п-да и х-й, которые вместе с популярным изложением основ квантовой механики занимают в творчестве Уэльбека центральное место, есть не настоящие репродуктивные органы, а скорее, их потемкинские симулякры на «холодном и бледном» (Сартр) теле французского языка. А я, Кика, добавил бы вот что: в отличие от авторов, которые работают по справочникам и энциклопедиям, мне два или три раза в жизни действительно доводилось стоять лицом к лицу с п-дой, глядя прямо в ее тусклый немигающий глаз, поэтому эротические периоды Уэльбека кажутся мне несколько надуманными, умственными, показывающими блестящее знание теории, но обнажающими досадную нехватку практического опыта. Впрочем, б-г с ним. Я не стану упрекать его в том, что он эксплуатирует сексуальную фрустрацию французского обывателя. Но не потому, что нахожу главную ноту его романов безжалостно точной, а потому, что нет слов, какими я мог бы выразить, насколько мне по х-ю французский обыватель».

Как видно из последней фразы, о ненависти тут говорить не приходится. Мотивация его поступков не имела отношения к мести. Она была диаметрально противоположной. Кика полагал, что спасает Европу от потока грязной азиатской человеконефти, ставя на ее пути магический заслон. Для этого Нафикову пришлось совершить чудовищное по своему цинизму преступление, но цель, как он был уверен, оправдывала средства.

² Самоидентификация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.